

Савин Игорь Сергеевич

**Этническая идентификация городского населения Республики
Казахстан 1992-2005 (на примере казахов и русских Южно-
Казахстанской области)**

Специальность: 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2006

Работа выполнена в Центре по изучению и урегулированию конфликтов

Института этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии Наук

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН **В.А. Тишков**

Официальные оппоненты :

Доктор исторических наук **С.С. Савоскул**

Кандидат исторических наук **Е.И. Ларина**

Ведущая организация:

Институт Востоковедения Российской Академии Наук

Защита состоится 4 июля 2006 года в часов на заседании диссертационного совета 002 117 01 Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. В. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Автореферат разослан <.....> июня 2005 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Кандидат исторических наук

О.Б. Наумова

Общая характеристика работы

Провозглашение независимости и укрепление суверенитета Республики Казахстан, начиная с начала 1990-х гг., происходило под лозунгом создания национального государства, когда в качестве основного субъекта суверенитета, а значит, и объекта государственной политики, конституировалась часть населения, выделяемая на основании особенностей культурно-исторического происхождения и именуемая “коренным” (титульным) населением. Таким образом, единый “казахстанский народ” оказался поделенным риторически на “самоопределившуюся казахскую нацию” и другие народы, населяющие Казахстан. Существующее положение позволяет коренному населению воспринимать себя в качестве обладателя особого статуса в системе взаимоотношений с властью и основного адресата мероприятий социальной и национальной политики государства.

Этническая неоднородность общества рассматривается властями как возможная угроза стабильности республики. Следовательно, руководство республики допускает, что этническая принадлежность различных категорий населения обусловит неодинаковое восприятие ими политико-идеологических и социально-экономических изменений, происходящих в Казахстане после обретения независимости, а также будет определять различные стратегии поведения представителей разных этнических общностей в новых условиях.

Актуальность работы заключается в попытке ответить на вопрос о роли этнической идентификации в современном Казахстане, о том, насколько обоснована интерпретация общности носителей сходных культурно-специфических признаков (этноса, этнической группы) в качестве единственного или главного субъекта социальных и политико-правовых отношений. Вопрос имеет не только научное, но и огромное общественно-политическое значение, так как от эффективности поисков ответа на него зависит существование Казахстана как полиэтничного, многокультурного государства. Угроза стабильности в Республике касается, в первую очередь,

существования гражданского общества в том случае, если граждане Казахстана главной формой лояльности признают лояльность не гражданскую, а этническую. Кроме того, выделение в государстве одной этнической общности в качестве титульной может вызвать дискомфорт и неудовлетворённость политикой, осуществляемой властями по отношению к некоренной части населения, что, в конце концов, приведёт к нестабильности и конфронтации в обществе.

Объектом исследования в данной работе является казахское и русское население Южно-Казахстанской области, представленное в основном жителями гг. Чимкента, Туркестана, Кентау и поселков городского типа, расположенных вокруг Чимкента. Выбор именно этих групп определен и численностью этих народов в составе городских жителей Южно-Казахстанской области (25 и 60% по данным 2004 г.), и их ролью в политико-экономической и социально-культурной жизни Казахстана в целом и Южного Казахстана в частности. За рамками работы остаются процессы этнической идентификации у других народов, населяющих Южно-Казахстанскую область, в частности у узбеков – третьей значительной группы в составе городского населения Южного Казахстана. Исключение узбеков из анализа произошло главным образом потому, что эта группа не подвергалась массовым социологическим исследованиям на протяжении 1990-х гг. и у автора нет возможности проводить сопоставительный анализ с двумя другими группами.

Предмет исследования: представления, определяющие этническую идентификацию у разных групп населения, источники и механизмы их формирования в массовом сознании, а также воздействие их на самовосприятие и последующие социальные стратегии у русского и казахского населения городов Южно-Казахстанской области, прежде всего – Чимкента. В силу особенностей доступных для анализа материалов, в работе подвергнуты изучению только те комплексы представлений, входящие в структуру этнической идентичности, присутствие которых в массовом сознании может быть

удостоверено данными социологических опросов и результатами полевых исследований.

Территориальные рамки исследования охватывают городское население Южно-Казахстанской области. Это связано с тем, что именно здесь автор проводились многочисленные полевые исследования на протяжении многих лет. К тому же Южно-Казахстанская область, в силу демографической специфики (около 60% казахского населения в общем числе горожан) и особенностей геополитического положения (близость к узбекской границе, большая подверженность влиянию центрально-азиатских социокультурных традиций) может быть рассмотрена в качестве одной из возможных в перспективе моделей развития ситуации в Казахстане в целом.

Хронологические рамки

Основное внимание в работе уделено периоду с 1992 по 2005 гг., когда в Казахстане формируются основные принципы новой идеологической доктрины в отношении языка, культуры, национальных вопросов. Кратко освещены также процессы функционирования у населения Казахстана различных форм группового сознания и роль в этих процессах этнокультурных атрибутов на протяжении предшествующего времени, которые также важны для предмета исследования.

Степень изученности проблемы:

Изучение этнической идентификации имеет в СССР и постсоветских государствах богатую традицию. В советский период эта тема была объектом многочисленных исследований. Опуская подробный анализ их содержания, нужно только отметить дискуссию, проходившую на страницах журнала «Вопросы истории» в 1966-67 гг., посвященную в большей степени философскому и обществоведческому подходам к изучению этнической идентификации. В 1967-1972 гг. во время дискуссии на страницах журнала «Советская этнография» складывалась понятийно-терминологическая среда, которая позволила выработать основные положения той системы теоретических взглядов, что позже будет названа

теорией этноса. Эта концепция прежде всего была разработана в трудах Ю.В. Бромлея¹. Но и в работах других авторов, вышедших примерно в то же время, главный объект этнографической науки - этнос - представал в виде устойчивой социальной общности, существенным признаком которой являлось осознание его членами своей специфики и отличия от всех прочих².

На протяжении последующих двадцати лет проблема этнической идентификации не раз обсуждалась в рамках обсуждения проблем этнического самосознания³.

Новый виток дискуссий о природе и характере этнических общностей и межэтнических отношений развернулся в постсоветском обществоведении в 1990-е годы. Начало ему было положено серией выступлений и публикаций В.А. Тишкова, которые позже в большинстве своем были объединены в две работы⁴. Основной позиции В.А. Тишкова является, на наш взгляд, следующее положение «... этническая идентичность - это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это есть всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы...». ⁵ То есть, акцент был перенесен на понимание этнической идентификации как постоянно происходящего процесса переопределения идентичностей. Тем самым в постсоветскую историографию проблем идентификации были привнесены теоретические построения, характерные для одного из главных направлений западных исследований социальных феноменов современности – так называемого «конст-

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса, М. 1983.

² Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человека/ Расы и народы, вып.2.- М.:Наука. 1972. С.23-26., Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры //СЭ.М., 1972, н.3, С. 77., и др.

³ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974, н.2,- С. 85. Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза / Расы и народы.вып.6. М.: Наука, 1976, С. 42-63, Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // СЭ. 1987, н.4, С3-17.

⁴ Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001, 240 с. и Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.:Наука, 2003, 544 с.

⁵ Тишков В.А О феномене этничности // «Этнографическое обозрение». н. 3. М., 1997. С 16-17.

руктивизма»⁶. В теоретических дискуссиях ученых постсоветского периода произошло смещение акцентов от обсуждения закономерностей и этапов формирования этноса к обсуждению механизмов функционирования этничности и транслирования групповой солидарности. Эту смену парадигм можно было наблюдать в публикациях, участвующих в теоретических дискуссиях в журнале «Этнографическое обозрение» на протяжении 1994-2005 гг.⁷

Особую важность для темы нашего исследования, в силу региональной близости и типологического сходства изучаемых явлений, имела дискуссия в журнале «Этнографическое Обозрение» в н.1 за 2005 год по статье А. Ильхамова «Археология узбекской идентичности». В рамках дискуссии практически впервые получили возможность сопоставления аргументы в пользу традиционного видения «становления среднеазиатских этносов» и доводы сторонников критического отношения к неизменным этническим субстанциям, для которых этническая идентичность современных народов региона во многом стала результатом деятельности политических элит новейшего периода.

Этнический феномен в постсоветском обществе уже много лет исследуется представителями общественных наук, как в государствах СНГ, так и за рубежом. Некоторые из этих исследований были посвящены природе этнической идентичности и ее сопряжению с политическими категориями. Наиболее значительные из них вошли в сборники, вышедшие недавно и на русском языке⁸.

⁶ Barth F. Introduction // F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference*. L., Bergen, 1969, Pp.9-38., Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М:Медиум, 1995, 321 с.

⁷ Чешко С. В. Человек и этничность ЭО 1994, н.4 С.35-49., Козлов В.И. Проблематика «Этничности»/ ЭО. - 1995, №4 С.38-53., Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В.Чешко) // ЭО. - 1995, №5 С.7-10., Е.М Колпаков Этнос и этничность// ЭО.-1995, № 5 С.13-22., Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО.- 1997, №3 С.3-21, Обсуждение доклада В.А.Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. - 1998, № С.31-40.

⁸ Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М.Хрох и др. М.: Праксис, 2002, 410с., Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Пер. с англ. - М.:Праксис, 2004. - 464 с.

Особенно важными были для нас работы исследователей посвященные структуре современной идеологической среды и трансформации коллективных представлений в индивидуальные, которые повлияли на методологические подходы, используемые в данной работе.⁹

Нельзя не отметить также работ этносоциологов, работавших в сфере разработки инструментов изучения массового сознания, в том числе и этнического, а также анализа отдельных его компонентов. Эти работы намечали подходы к изучению структуры этнической идентичности и процессов его формирования. В этих работах отмечалась особая роль «производителей этничности» - постсоветской интеллектуальной элиты¹⁰.

Вопросы этнического многообразия и связанные с этим особенности общественного развития в странах СНГ также становились предметом рассмотрения как отечественных, так и зарубежных авторов. Некоторые из них, посвященные диспорам были нам интересны своими выводами о формировании новых идентичностей в условиях диспоры (Р. Брубейкер, Д. Лийетин, П. Колсто и др.)¹¹ Есть и работы использующие методы конструктивистской критики и деконструкции коллективных представлений, но они, как правило, посвящены другим регионам¹².

⁹ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть/ Современная зарубежная социология. М., 1993, С. 165-177., с., Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992, т.1, N.2, С.83-98.

¹⁰ Дробижеева Л.М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства / Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994, С. 71-85., Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. Под.ред. Л. Дробижеевой и др. Москва 1994 г. 273 с., Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. М.: Мысль, 1996, 381 с.

¹¹ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 19.96., Laitin D. Identity in Formation: The Russian Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca, N.Y., Cornell, University Press, 1998., Melvin, Neil. Russians beyond Russia : the politics of national identity. London: Royal Institute of International Affairs, 1995., Колсто Пол Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // Диаспоры 2001. № 1., Москва. С 6-38, Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские Киргизии, 1992-2002). М.:Наталис, 2006, 597с.

¹² Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. –М.: НЛО, 2006.-696 с., ил. Брусина О.И., Осипов А.Г. Межнациональные отношения:

Нельзя не отметить работ посвященных этнической идентификации в Казахстане, которые также принадлежат перу как казахстанских так и зарубежных авторов¹³. Эти работы в большинстве своем рассматривают этническую идентификацию в контексте новой политической конфигурации казахстанского общества, становления новой идеологической системы и т.д. В исследованиях же посвященных межэтническим взаимодействиям, процессы формирования идентичности остаются на периферии внимания исследователей.

Таким образом, несмотря на то, что теме в целом посвящено огромное количество работ, в очень немногих сочетается использование современной методологии анализа этнической идентификации и исследование исторической динамики условий ее осуществления применительно к интересующему нас географическому и предметно-тематическому локусу.

Цель исследования: выявить механизмы складывания у городского населения Южно-Казахстанской области постсоветского периода представлений, обуславливающих восприятие ими себя в качестве членов этнических общностей и показать роль этих представлений в повседневной социальной практике людей.

Задачи исследования:

взгляд на проблемы Узбекистана // Этнографическое обозрение. 1993, н.3, С.15-25., Абашин С. Некоторые размышления после дискуссии о национализме в Узбекистане// Ab Imperio. N.4. Казань, 2005, С. 35-44.

¹³ Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity; From Tribe to Nation-State, London: Royal Institute of International Affairs. 1995, 83 pp., Bremmer, I. Nazarbaev and the North: state-building and ethnic relations in Kazakhstan // Ethnic a. racial studies. - L., 1994. - Vol. 17, N 4. - P. 619-635., Fierman W. Kazakh Language and Prospects for Its Role in Kazakh Groupness// Ab imperio.n.2. Kazan. 2005, Pp. 393-421. Эшмент, Б. Проблемы русских Казахстана - этничность или политика? // Диаспоры . - М., 1999. - N 2/3. - С. 169-187., Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики / Галиев А.Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А.; Ин-т развития Казахстана. - Алматы, 1994. - 63 с., табл., Малинин, Г.В. Межнациональное согласие в Казахстане: проблемы, противоречия, перспективы / АН Респ. Казахстан. Ин-т философии. - Алматы, 1997. - 159 с., Курганская В.Д. Дунаев В.Ю. Казахстанская модель межэтнической интеграции . Алматы: Центр гуманитарных исследований. 2002. 399с. Олкотт. М.Б. Казахстан: Непроходимый путь. Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003. —354 с.

1) показать исторические условия формирования городского населения Южно-Казахстанской области, предпосылки складывания в его составе двух наиболее значительных этнических (национальных) сообществ – казахского и русского;

2) охарактеризовать этнодемографическую, социально-экономическую, культурную и административно-политическую ситуацию, сложившуюся в городах региона в советский период;

3) проследить изменения в этнодемографической, социально-экономической, культурной и административно-политической ситуации и их влияние на этническую идентификацию городского населения Южного Казахстана в постсоветский период;

4) раскрыть особенности этнической идентификации как процесса формирования в массовом сознании комплексов представлений, через которые происходит осознание индивидами себя в качестве носителей определенной этничности;

5) показать, насколько представления, осмысляемые в качестве этнических, мотивируют мировосприятие и социальную активность людей,

Методология работы основывается на понимании этнической идентификации как процесса соотнесения себя индивидом с комплексами представлений, в соответствии с которыми индивид воспринимает и себя самого, и других в категориях принадлежности к этническим общностям как к единственным субъектам социального взаимодействия. Предметом исследования при таком подходе является изучение как механизмов складывания таких представлений так и истории возникновения ситуаций, в которых процесс отождествления себя с какой либо этнической общностью становится для индивида актуальным .

Можно предположить, что "этническая составляющая" в повседневной социальной практике активнее проявляется там, где сталкиваются представления, распространяемые исходя из своего видения реальности определенными группами, заинтересованными в отождествлении своей интерпрета-

ции окружающего мира с мнением народа. Наиболее легко достигаемой формой "единства с народом" является апелляция к "естественной" общности этнических признаков всех участников подобного рода коммуникации. А значит, этнические характеристики не являются имманентным свойством социальной практики той или иной группы, но, скорее, представляют собой порождаемые социальной практикой способы самоописания, которые активно участвуют в дальнейших социальных действиях, воспринимаемые в качестве их субъектов.

Этнические стереотипы и представления о собственных национальных интересах, лежащие в основе межэтнических установок, а, значит, и отношений, возможно, не только отражают изменения в социально-экономической структуре общества, но и являются результатом взаимодействия массового сознания с образами и представлениями, рожденными в сфере "профессиональной культуры". Творческие работники средств массовой информации, кино, литературы, гуманитарной науки и образования предлагают массовому сознанию уже интерпретированные образы прошлого и современности. С этими плодами "творческого осмысления действительности", как правило, эмоционально-драматизированного и имеет дело повседневное сознание.

Отмеченный выше подход обусловил выбор разнообразных источников, необходимых для реализации поставленных задач. В частности реконструкция социальных представлений кочевников досоветского периода произведена на основании исторических, географических и этнографических работ ученых и путешественников, побывавших в те годы в казахской степи, изучения произведений художественного творчества как авторского, так и коллективного, где встречаются используемые тогда формы категоризации окружающего мира. Ситуация становления советской государственности и создаваемые и применяемые в тот период категории социального анализа и конструирования новых идентичностей изучались на основе статей и выступлений советских работников, опубликованных большей частью в партийной

прессе и специальных изданиях. В ходе изучения этапов формирования демографической, социально-экономической, политической и культурно-языковой ситуации в регионе использовались материалы переписей населения СССР и данные фонда текущей статистики СССР, РФ, Госкомстата РК и Комитета по статистике и анализу, Южно-Казахстанского областного филиала, Агентства РК по статистике и анализу; архивные материалы из фондов Архива Чимкентского городского совета за 1950-е-1980-е годы. Формирующаяся на протяжении 1990-х годов информационно-культурная и политико-правовая среда проанализирована с привлечением законодательных актов правительства Республики Казахстан, газетных и журнальных публикаций казахстанской, в том числе областной и городской, прессы преимущественно на русском, но, частью, и на казахском языке. Использовались также документы и материалы, отражающие деятельность казахстанских партий и общественных движений различной этнической принадлежности, как опубликованные, так и извлеченные из личных архивов активистов этих движений. Для изучения представлений, присутствующих в массовом сознании привлекаются данные опросов населения, проведенных автором в 1994, 1999 и 2004 годах.¹⁴

Для анализа того, как уже описанные на уровне массового сознания представления осмысляются на уровне внутренних интерпретаций и оформ-

¹⁴ В 1994 г. опрос среди жителей городов Чимкента и Туркестана, в ходе которого опрошено 167 казахов и 126 русских в городе Чимкенте и 136 казахов и 46 русских в городе Туркестане проводился в рамках проекта "Язык, национальность и бывший Советский Союз", осуществляемого в Казахстане под руководством М.Н. Губогло. В 1999 г. при поддержке гранта RSS 1036/98 было проведено исследование 120 казахов и 130 русских, выбранных по репрезентативной выборке, проживающих в г. Чимкенте и пригородных селах Тогуз и Майбулак. В 2004 году в рамках проекта « Гендер и этничность в постсоветском Казахстане: дискурс и социальные стратегии» осуществляемого при поддержке фонда Д. и К. Макартуров было проведено исследование 170 казахов и 180 русских, проживающих в городе Чимкенте.

ляют набор поведенческих ориентаций, производились личные наблюдения, беседы и интервью автора, как с рядовыми жителями города Чимкента, так и с лидерами и активистами национальных движений.

Положения, выносимые на защиту.

1. Этническая идентификация на каждом из этапов развития казахстанского общества обусловлена конкретными условиями коммуникации и выработки наиболее политически востребованных форм идентичности.

2. Тот факт, что социальная общность предстает в постсоветском Казахстане, прежде всего, как общность носителей этнокультурных признаков, обусловлен особым характером социализации нескольких поколений людей в условиях становления и существования Советского Казахстана в рамках советской национальной политики.

3. В массовом сознании населения постсоветского Казахстана этнические представления подобного рода наличествуют, но локализованы в определенной сфере, связанной с восприятием людьми своего места во взаимоотношениях с государством.

4. Источником проникновения в массовое сознание людей подобных представлений является в значительной мере риторическая активность казахских политиков и публицистов постсоветского периода.

Новизна работы заключена в том что, впервые процессы этнической идентификации рассматриваются комплексно применительно к конкретному региону – Южно-Казахстанской области. Это позволяет не только проанализировать характер и механизмы формирования идентичности у разных групп населения в условиях исследованной с разных сторон социальной ситуации, но и проследить роль представлений в повседневных социальных стратегиях людей. Кроме того, различные стороны процесса этнической идентификации рассматриваются применительно к одним и тем же группам на протяжении длительного периода, что позволяет с большей верностью выделить наиболее значимые их свойства. Нужно также отметить, что этническая идентификация рассматривается не только с использованием подходов, свойствен-

ным различным дисциплинам, но и с привлечением разнообразных источников (исторические, статистические, архивные материалы, данные массовых опросов населения и индивидуальных антропологических интервью), многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что работа позволяет глубже понять не только механизмы формирования представлений, составляющих этническую идентичность, пути проникновения этих представлений в массовое сознание, но и обусловленность общественной потребности в той или иной идентичности обстоятельствами социально-культурной среды. Подобный анализ позволяет прояснить возможность использования отдельных элементов этнической идентичности для манипулирования массовым сознанием и избежать отношения к этничности как к внесоциальному феномену, устойчиво существующему в неизменной форме в различных исторических условиях.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы для анализа массового сознания в контексте возможностей этнической мобилизации и для разработки комплекса мер, направленных на преодоление вызовов общественной стабильности в полиэтничном государстве и укрепление этнического согласия.

В частности, выводы, касающиеся закономерностей этнической идентификации и этномобилизационных процессов в постсоветском Казахстане, полученные в ходе подготовки диссертации, послужили методологической базой для реализации целого ряда экспертных, аналитических и прикладных проектов, реализованных при участии автора. В частности это касается деятельности автора в осуществлении этнологического мониторинга в рамках Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) с 1993 года, мониторинга межэтнических отношений, осуществляемого офисом Верховного Комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств с 1998 года. Выявленные принципы проникновения в массовое сознание этнически окрашенных риторических образов способствовали раз-

работке и реализации проекта «Внедрение принципов этнической толерантности в деятельность казахстанских СМИ», который проводился в 2002 году, но часть проекта в виде мониторинга нетолерантных публикаций казахстанской прессы реализуется до сих пор. Аналогичным образом, выводы о природе возникновения этнически окрашенных эмоций обусловили возможность выработки рекомендаций для неправительственных организаций Казахстана по распространению толерантности и снижению напряженности в массовом сознании. Эти рекомендации вошли в несколько публикаций и были использованы при выработке стратегии возглавляемой автором НПО «Диалог» по проведению в 2001-2004 годах общественных кампаний в школах и ВУЗах Казахстана в рамках «Всеевропейской недели действий против расизма, национализма и ксенофобии». Кроме того, процедуры анализа общественного сознания, выработанные в ходе подготовки диссертации, помогли автору в выявлении наиболее актуальных специфических этнокультурных потребностей этнического сообщества узбеков на Юге Казахстана, что создало предпосылки для реализации в регионе проекта «Интеграция национальных меньшинств в образовательное и информационное пространство Казахстана», который осуществляется при поддержке Верховного Комиссара ОБСЕ в 2003-2006 годах.

Апробация работы: основные положения и результаты исследования получили отражение в докладах на следующих конференциях:

- Третьей Манчестерской конференции по Центральной Азии и Кавказу, организованной Манчестерским университетом в феврале 1997 г.,
- очередной сессии Ассоциации изучения этничности (ASN) в апреле 1998 г. в Нью-Йорке,
- Семинаре по Антропологии постсоветской этничности, проведенном при содействии фонда Карнеги в поддержку мира в июне 1999 г в Москве,
- конференции «Мультикультурность и постсоветские государства», организованной Институтом философии и Институтом этнологии в сентябре 1999 г. в Москве,

- Конференции Ассамблеи народов Казахстана и Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств в Алматы в апреле 2000 года,

- Специальной Сессии Ассоциации изучения этничности (ASN) «Национализм, идентичность и региональная кооперация: Совместимость и несовместимость» в Форли (Италия) в июне 2002 года.

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Приложения и списка использованной литературы.

Во Введении дано обоснование темы, указаны цель и задачи исследования, обоснованы его новизна и актуальность, обозначены использованные методологические подходы и источники исследования.

В первой главе **Этническая идентификация на территории современного Казахстана в досоветское и советское время** описывается как специфика коллективной идентификации у разных народов на территории Казахстана в досоветский период, так и условия, в которых осуществлялась этническая идентификация в советский период. В первом параграфе **Особенности коллективной идентификации у казахов и русских на территории современного Казахстана в досоветский период** предпринята попытка исследования условий складывания групповых форм сознания у разных народов на территории Казахстана в период до установления советской власти. В частности, приводится описание и анализ представлений, которые определяли социальную практику у казахов-кочевников в досоветский период. Изучение этих представлений позволяет сделать предположение о том, что главной формой категоризации социального мира был род, а не национальность. В организованной таким образом социальной структуре этническая (основанная на общих особенностях культурно-специфической среды) идентификация всё-таки присутствовала, но не была ведущей. Это объясняется тем, что у координаты социального пространства (представления, значимые для мотивации поведенческой активности) в казахском обществе бы-

ли порождены взаиморазличием представителей различных родов, а не культурно-специфических групп. Здесь же описывается исторический фон изменений как условий социальной коммуникации, так и групповых форм самовосприятия как у казахов, ставших подданными Российской империи, так и у русских, которые становятся заметным субъектом социальных отношений на территории региона начиная с последней трети 19 века (в г. Чимкенте по переписи 1897 г. казахов было менее 1 тыс.чел., русских – 3 тыс.чел., узбеков – 8 тыс. чел., хотя в составе населения Сырдарьинской области, куда входил Чимкент, казахов было 88%, русских – 4 %, узбеков- 8 %).¹⁵

В ходе вовлечения населения Казахстана в сферу господства социально-политической системы Российской империи были созданы условия, при которых культурным различиям придавалось социальное и даже политическое значение. Это возникло в результате того, что “казахи” и “русские” определялись как различные субъекты экономических, политических, правовых отношений в рамках единого пространства, создаваемого одним государством. Так, различался статус (права и обязанности) русского и инородческого в Российской империи. Далее, в ходе реализации, например, переселенческой программы, переселенцы-земледельцы и казахи-кочевники оказывались различными (а иногда и противоборствующими) субъектами в ситуации распределения земельных наделов.

Таким образом, складываются предпосылки формирования в Казахстане типов коллективности, которые обладали формальными признаками “этнической” общности: сообщество носителей этнокультурных признаков и своеобразного психологического склада, объединенное общностью позиций в существующей системе социальных и правовых отношений. Однако нужно учитывать, что подобные обобщения были доступны ограниченной группе, которая сочетала в себе местное происхождение и восприимчивость к новым

¹⁵ Галузо П.Г. (1965) Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1867- 1914. Алма-Ата. 1965, С.46.

формам осмысления окружающего мира, пришедшим через Россию. Это - так называемая “национальная интеллигенция”, получившая русское образование и по роду своей деятельности (чиновники местных администраций, журналисты, исследователи) находившаяся “между” казахским обществом и российским государством.

Во втором параграфе **этно-демографические и социально-экономические процессы в городах Южно-Казахстанской области в 20 веке** описывается история складывания состава населения Южно-Казахстанской области с начала века и в советский период и основные характеристики этого процесса. Кроме того, здесь показаны основные этапы формирования этно-социальной структуры производственной сферы и параметры этнического разделения на рынке труда. В городском населении вплоть до 1970-х годов казахи были в меньшинстве, тогда как русские доминировали, начиная с послевоенного периода. Исходя из этого, формировались тенденции в сфере занятости, которые характеризовались недопредставленностью казахов в индустриальной сфере, но доминированием их в агропромышленных областях.

Третий параграф **Советская культурно-языковая и образовательная политика** посвящен основным мероприятиям и результатам языковой и образовательной политики в Южно-Казахстанской области в советское время. В этот период специальная система поощрений, а также целый комплекс льгот и предпочтений призваны были обеспечить особую роль национальных кадров в сфере образования и культуры.

Четвертый параграф **Политическая структура общества и этническая идентификация** описывает ситуацию создания своеобразного государственного образования в виде Казахской советской республики, где, с одной стороны, были созданы все атрибуты национальной власти (существующей и действующей от имени определенной этно-культурной группы): флаг, герб, этнически квотированные органы власти, национальная академия наук, опера и т.д. С другой стороны, вся структура общественного производства и соци-

альной жизни была основана на вненациональных по своей сути принципах, никак не связанных с этническим традиционным способом производства и организацией общественных отношений. Это не позволяло индивиду реализовывать свою этническую принадлежность в качестве культурного капитала, который мог бы способствовать социальному продвижению.

Существовали лишь две сферы, где это было возможно: государственно поддерживаемая “национальная культура” (призванная придать государству “казахские” черты) и ротация “национальных” кадров для госаппарата. Только в этих сферах можно было использовать этничность в качестве социального ресурса. Там и сосредоточилось производство и распространение этничности как средства для кодирования социальных позиций и статусов.

Наиболее ярко это проявилось в языковой и культурной, и образовательной сфере. Это способствовало формированию завышенных социальных ожиданий у части национальной интеллигенции, считавшей возможным для себя преимущественное положение в силу “национальных особенностей республики”.

В то же время, в городах складывалась индустриальная городская инфраструктура и соответствующая информационно-культурная среда, созданная и функционирующая в основном на русском языке.

Во второй главе **Изменение контекста этнической идентификации в постсоветский период** анализируются изменения основных характеристик социальной среды, произошедшие в Южном Казахстане с началом образования в конце 1991 г. независимого государства, влияние этих изменений на процессы этнической идентификации.

В первом параграфе **Основные тенденции динамики этнического состава городского населения Южно-Казахстанской области** характеризуются основные изменения демографической структуры населения, главным содержанием которых стала миграция русского населения за пределы Казахстана и приток сельского казахского населения в города, что привело к изменению общей социально-культурной ситуации в городах. Так, доля русских в

составе населения г. Чимкента уменьшилась с 43 % в 1992 г. до 25 % в 2004, тогда как их доля в общем составе населения области с 15 % в 1989 г до 8 % в 1999г. ¹⁶

Второй параграф **Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Южном Казахстане** посвящен рассмотрению новых тенденций в социально-экономической сфере: изменению рынка труда, региональных отраслевых предпочтений, этническим аспектам экономической политики и ее влиянию на социальное самочувствие разных групп населения. В первой половине 1990-х годов после распада общесоветских хозяйственных связей, крупные предприятия были остановлены и работающие на них преимущественно русскоязычные работники оказались без работы. В то же время, в города двинулись массы сельского населения, особенно молодежь, которые искали возможности трудоустроиться на новом месте, покинув разорившиеся без государственных дотаций колхозы. Уже только это обстоятельство не могло не изменить ситуации в социально-экономической сфере и в социальном самочувствии разных групп населения. Отдельное внимание уделено положительным изменениям восприятия социально-экономической ситуации в период 2002-2005 года, когда в экономике республики произошли довольно заметные положительные сдвиги, связанные с реформами в макроэкономической и банковской сфере и аккумулярованием значительных средств в результате роста цен на нефть.

В третьем параграфе **Языковая и образовательная политика в постсоветский период** описываются усилия государства по гомогенизации социально-культурной сферы, исходя из приоритетности культуры "коренной нации" в новой идеологической среде. Это происходило по мере внедрения Закона «О языках в Республике Казахстан» (1997 г.), конституционного провозглашения только казахского языка государственным языком (1995),

¹⁶ Косеубаев 2003 Существует ли русский вопрос в Казахстане? // Южный Казахстан. 1993, 27.11., «Национальный состав населения республики Казахстан. Т.1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник под ред. А. Смаилова, Алматы 2000 г. С. 6-8., Данные оперативной статистики за 2004 год, предоставленные Южно-казахстанским областным филиалом Агентства РК по статистике.

внедрением множества ведомственных инструкций ограничивающих использование русского языка в публичной сфере. Для русских это означало утрату прежней коммуникативной сферы. Для казахов, на фоне публицистических заявлений о «гибели родного языка», необходимости скорейшего его возрождения путем расширения сферы применения, любые изменения могли показаться недостаточными. Нетрудно, поэтому спрогнозировать изменение этноязыковой и социо-культурной ситуации в городах в сторону сокращения областей применения русского языка. Утрата городами Южного Казахстана своего прежнего, преимущественно русского в сфере языка и культуры характера усиливает психологический дискомфорт русских, лишает их привычной социальной и коммуникативной среды, обостряет негативное восприятие русскими любых изменений вокруг.

Четвертый параграф **Изменение политической идеологии и практики в 1990-е годы** посвящен политико-идеологическим сдвигам, которые после провозглашения национальной государственности привели к резкому изменению политической картины мира у русских, воспринимавших себя носителями внеэтнической общесоветской идентичности.

Характеризуя политическую сферу, нужно отметить, что основные нововведения в ней осуществлялись в двух измерениях. Во-первых, постсоветская идеология во многом строилась на противопоставлении суверенитетного периода многим важным явлениям и достижениям советского времени. Многие русские, видели в этом косвенное ущемление значимых для себя коллективных чувств. Во-вторых, кадровая политика новой казахской национальной бюрократии была во многом направлена на обеспечение своей монополии на власть и на уменьшение сохраняющейся роли русских на значимых постах в органах управления и в промышленности.

В третьей главе **Этническая идентификация у городского населения Южно-Казахстанской области в постсоветский период** раскрываются наиболее существенные факторы, влияющие на этническую идентификацию

в современном Казахстане, а также выявляется роль этнических представлений в повседневной общественной практике людей.

В период глобальных общественных трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х гг. интеллигенция формировала идеологию “национального возрождения”. В данной главе автор сосредотачивается на анализе риторических средств, при помощи которых конструировалась идеологическая среда, где формируются коллективные представления, в том числе и этнические. Исследование риторических средств опирается на анализ многочисленных публикаций, появившихся в первой половине 90-х годов и отражающих точку зрения как официальных властей, так и оппозиционных им в тот период движений.

Для удобства анализа все многообразие рассматриваемых публикаций сгруппировано в три условно выделяемые автором тематические сферы: экономическую, этнополитическую и культурно-языковую. При этом основное внимание уделено риторике в экономической сфере, поскольку влияние идеологических средств на самовосприятие людей, находящихся внутри определенной экономической ситуации нам представлялось наименее очевидным. Это давало бы нам возможность выяснить основные моменты механизма этнической идентификации в более спокойной, менее политизированной обстановке. Изучение риторики и образов массового сознания, репрезентированных в данных опросов в этнополитической и этноязыковых сферах, имеет вспомогательное значение в силу двух обстоятельств. Во-первых, в структуре этнической идентичности затруднено вычленение «практического» и «манифестного» блока представлений респондентов, так как современный человек всецело погружен в сформированную в данном обществе информационно-идеологическую среду и мыслит и действует согласно предписаниям этой среды. В этой связи нам было бы трудно ожидать выявления в составе элементов его этнической идентификации образов, отражающих его собственный практический опыт и реальные стратегии и намерения, как это возможно в экономической сфере. Во-вторых, экономическая риторика и ее вос-

приятие людьми в гораздо меньше степени становилась объектом анализа исследователей. Нужно отметить, что в силу особенностей вопросов анкеты некоторые стороны коллективной идентичности не могли быть изучены и остались за рамками исследования. Это произошло, например, с такой важной темой в структуре этнической идентичности как представления об общем происхождении.

Анализ массовых представлений сделан на основе результатов анкетных опросов населения, проводившихся в Южном Казахстане в 1994, 1999 и 2005 гг. а также на основе индивидуальных интервью проведенных автором на протяжении 1998-2004 гг.

В первом параграфе **Восприятие экономической ситуации в риторике публикаций и массовых представлениях** описываются основные черты образа экономической ситуации в Казахстане, каким он создан путем риторических усилий идеологов и публицистов:

- экономика Казахстана находится в тяжелом положении из-за своего долгого включения в единую экономическую систему бывшего СССР, которая эксплуатировала ресурсы Казахстана, причем наиболее пострадало от этого коренное население;

- главным способом улучшения экономического положения Казахстана является избавление от экономического и политического диктата центра и ориентация на других экономических партнеров, которым Казахстану есть что предложить из своих огромных природных богатств; их эксплуатация и станет источником процветания Казахстана;

- Казахстан – это, прежде всего, земля казахов, поэтому экономические интересы казахов должны учитываться в первую очередь.

Особенности риторики русской части населения исходят из тех же самых допущений: Казахстан – страна казахов и суверенизация республики совершается во имя интересов исключительно казахов и ничего позитивного русским не сулит.

Очевидно, что коллективная идентичность русских конструируется с помощью оппозиций, введенных в общественный дискурс риторикой казахских идеологов и публицистов. Только теперь эти оппозиции интерпретируются противоположным образом. В обыденном сознании эта разность статусов легко облекается в оболочку этнокультурной обусловленности: у русских и казахов разные интересы в силу их культурно-психологической отличности друг от друга. А интеллигенция лишь выражает и озвучивает эти интересы.

Однако результаты исследования ответов респондентов не подтверждают подобные предположения. Представители одной национальности в одном случае демонстрируют сходство в восприятии экономической ситуации и единство установок и мотивов собственной деятельности, что позволяет говорить о существовании у них определенной общности позиций в системе экономических отношений, которая отличается от позиции представителей других национальностей. В других же случаях ответы респондентов не отличаются друг от друга в зависимости от их национальной принадлежности. Это обстоятельство заставляет усомниться в однозначном отождествлении человека как члена этнической общности (носителя определенных этноотличительных признаков) и субъекта экономических отношений (носителя специфических «национальных интересов» в экономической сфере).

Пытаясь реконструировать, исходя из ответов респондентов, целостный комплекс представлений, наличие которого позволило бы непротиворечиво объяснить столь несхожее отношение к различным явлениям экономической реальности представителей разных национальностей, мы выделили основные черты образов, которые характеризуют самовосприятие, с одной стороны, казахов, с другой стороны, - русских.

Для представлений подобного рода у казахов в наибольшей степени характерны:

- уверенность в улучшении своего жизненного уровня вне зависимости от своего личного участия в экономических процессах;

- отождествление своего правового статуса с собственной привилегированной позицией в системе экономических отношений (это проявляется в негативном отношении к наделению неграждан республики равными с гражданами правами экономических субъектов);

- убежденность в том, что политическая независимость является главным условием улучшения экономического и политического положения Казахстана;

Среди особенностей представлений русских можно отметить:

- уверенность в ухудшении своего жизненного уровня через три года, несмотря на готовность лично участвовать в рыночных преобразованиях;

- отсутствие расчета на то, что статус гражданина Казахстана сулит им улучшение условий экономической деятельности;

- отрицание политической самостоятельности в качестве способа улучшения экономического и политического положения Казахстана;

Как видим, просматривается определенное сходство представлений, выделенных на основании ответов респондентов, с чертами того образа мира, который создан риторическими усилиями интеллектуалов. В этих представлениях в наибольшей степени расходятся мнения русских и казахов. Как выше уже отмечалось, эти расхождения не могут быть объяснены исходя из различий в восприятии казахов и русских своей позиции в сложившейся системе социально-экономических отношений.

На наш взгляд, ключевым моментом, по отношению к которому в наибольшей степени разделяются мнения русских и казахов, является вопрос о статусе представителей разных национальностей в системе взаимоотношений с властью. В данном случае, представления о значимости этого статуса сопряжены с ожиданиями получения права на особую позицию в рамках экономической политики государства.

Так как влияние таких представлений не обнаружилось в ответах по всему спектру вопросов, отражающих отношение к экономической ситуации, например, казахов, то нет оснований, по нашему мнению, полагать, что су-

ществует специфическая “казахская” модель восприятия действительности. То же самое справедливо и по отношению к ответам русских респондентов.

Однако отмеченные несовпадения легко объясняются проникновением в массовое сознание категорий социального различия, порожденных риторикой интеллектуальной элиты. В ответах, как русских, так и казахов можно выделить черты образов самовосприятия, на формирование которых могли повлиять эмоциональные выступления политиков и публицистов, описывающие положение той национальной группы, с которой они себя отождествляют.

Так, отмеченные выше черты представлений казахов, в соответствии с которыми они склонны воспринимать себя носителями особого экономического статуса в силу принадлежности к государствообразующей нации, воспроизводят особенности определения облика “коренной национальности” в высказываниях казахских общественных и политических деятелей.

Необходимо отметить, что улучшение экономической ситуации в Казахстане за последние три-четыре года привело не столько к улучшению благосостояния каждого, сколько к изменению общественного дискурса на эту тему. Пессимистические публикации по поводу экономического краха из-за разрыва экономических связей советского периода сменились статьями и выступлениями, в которых подчеркиваются достижения Казахстана в области экономики и социальной политики. Эти изменения, нашли свои отражения и в представлениях массового сознания, которые отличаются от тех, что доминировали в середине 1990-х годов, но все же не меняют основных выводов.

Во втором параграфе **Этнополитическая сфера в риторике и представлениях массового сознания** описывается риторика и результаты опросов, характеризующие мнения респондентов в «этнополитической сфере».

Риторика в целом напоминает риторику в экономической сфере с подчеркиванием необходимости этапа «взаимного отторжения» народов друг от друга для создания институтов поддержки национального самосознания,

объяснением всех бед общественного развития «принудительным тоталитарным интернационализмом» и т.д.

Ответы, в которых мнения русских и казахских респондентов разделились наиболее ярким образом, позволяют реконструировать основные представления, на которых строится этническая идентификация в политической сфере. Так, русские, не уверенны в своем будущем в Казахстане, в качестве основных мотивов переезда отмечают безработицу и ущемление прав национальных меньшинств, не воспринимают себя в качестве одного из меньшинств в Казахстане, в значительной степени считают себя гражданами бывшего СССР, рассчитывают на помощь России в отстаивании своих прав, не считают в ближайшем будущем возможным ассимилироваться с казахами и предпочли бы двойное гражданство Казахстана и России. Кроме того, русские в гораздо более категоричной форме утверждают, что у казахов в Казахстане есть преимущества при приеме на работу, а у русских – нет.

Ответы, в которых русские и казахи продемонстрировали сходство позиций, также присутствуют в «этнополитической» сфере. И русские и казахи в равной степени ощущают себя прежде всего членами своей семьи, а потом уже всех других общностей и только эту общность готовы защищать с оружием в руках. Респонденты обеих групп считают полезным использование помощи Запада Казахстаном и считают, что для русскоязычных наиболее приемлемой формой политической активности было бы вступление в партии имеющие смешанные этнические политические цели, а не в политические партии отстаивающие только «русские» интересы.

На наш взгляд, и в этом случае можно говорить о том, что вопросы манифестного характера имеют выраженный этнодифференцирующий характер, тогда как в вопросах, требующих выразить свои установки на практические действия в этнополитической сфере, этого не заметно. Но очень заметно влияние на умонастроения образов, выстроенных с помощью риторики на протяжении 1990-х годов.

В третьем параграфе **Языковая ситуация и ее репрезентация в риторике и представлениях людей** предметом рассмотрения становятся образцы риторики и установки массового сознания в языковой сфере. Публикации и выступления по поводу языковой ситуации имеют сходство с риторикой в экономической и этнокультурной сфере, поскольку конструируют носителей «нашего» языка, как «наших» и всех других как «не наших» через отсылку к недавней «русификации» и необходимости срочных мер по «возрождению» языка. В качестве средства улучшения ситуации предлагаются чаще не меры по привлечению интереса к казахскому языку и стимулирующие его изучение не носителями, а постановления запрещающие использование других языков и формирование ситуации в которых не носители языков чувствуют себя виноватыми за свое не знание языка или нелояльными гражданами страны.

В ответах на вопросы, в которых респондентам предлагалось выразить свое отношение к актуальным проблемам языковой сферы также выделяются два блока. В первом из них концентрируются вопросы, ответы на которые выявили различные позиции казахов и русских. На основе их можно выделить те черты собирательного образа, например, русских, которые наиболее отличаются от этих же черт у казахов. Итак, русские, не считают, что знание русского языка поможет найти высокооплачиваемую работу в Казахстане, считают, что вывески на улицах должны быть на двух языках, а не только на казахском, считают, что госслужащие не должны в обязательном порядке знать два языка и могут пользоваться только тем языком, который им нужен по роду деятельности, считают нереальным перевод делопроизводства во всех областях на казахский язык, не считают, что гражданами Казахстана могут быть только те, кто говорит на казахском языке, ответят на вопрос госслужащего на русском языке, даже если он задан по- казахски, не считают, что все живущие в Казахстане должны знать казахский язык, не считают, что в Казахстане проводилась в советское время политика русификации.

Сходство позиций продемонстрировали респонденты и казахи, и русские в ответах на следующие вопросы. Обе группы согласны, что знание казахского языка поможет получить работу в Казахстане, что нужно обучать детей на двух языках начиная с детского сада, что президент Казахстана должен владеть казахским языком, что на совместных мероприятиях будет удобным использование любого из двух языков, что русский и казахский должны изучаться в школах в качестве обязательного предмета.

На наш взгляд, почти во всех ответах, в которых наблюдается сходство позиций респондентов можно отметить отношение к языку как к функциональному средству коммуникации, которым можно овладеть путем целенаправленных усилий через образование. В вопросах же, где позиции русских и казахских респондентов в наибольшей степени разделились, язык, скорее, представляется атрибутом определенного статуса человека, чаще воображаемого, в русле определенной языковой политики. Русские респонденты воспринимают его в большей степени негативно. Хотя, в реальности, он может не быть предметом их повседневного беспокойства, так как и в 2004 году меньшинство респондентов независимо от национальности читает газеты, смотрит ТВ только на казахском языке. Но на протяжении 2002-2005 гг. резкой риторики по поводу радикального изменения языковой ситуации в сторону повсеместного расширения использования казахского языка стало значительно больше. Это повлияло и на изменение позиций по некоторым другим вопросам. В частности, в 1994 и 1999 гг. большинство респондентов всех национальностей отрицательно относилось к высказыванию о том, что русским нецелесообразно учить казахский язык, так как ни все равно не станут равноправными гражданами Казахстана, но в 2004 более 50% русских респондентов согласны с этим мнением.

Это обстоятельство позволяет говорить о том, что на умонастроения людей в значительной степени влияет информационная среда, формируемая из общественных обсуждений и публичных высказываний.

Подводя некоторые итоги, остановимся на следующих моментах.

1. Тот факт, что социальная общность предстает в постсоветском массовом и академическом сознании, прежде всего, как общность носителей этнокультурных признаков, обусловлен особым характером социализации нескольких поколений людей в условиях становления и существования Советского Казахстана как государства в рамках советской национальной политики.

2. В массовом сознании представления подобного рода наличествуют, но локализованы в определенной сфере, связанной с восприятием людьми своего места во взаимоотношениях с государством.

3. Источником проникновения в массовое сознание людей подобных представлений является риторическая активность постсоветских казахских политиков и публицистов.

В Заключении изложены самые общие положения и выводы проведенного исследования.

Этническая идентификация в постсоветском Казахстане представляет собой, на наш взгляд, процесс соотнесения себя людьми с комплексом представлений, уже помеченных в общественном дискурсе как однозначно "этнических". Залогом этого выступает присутствие в их составе атрибутов традиционного уклада жизни "нашего" народа в предшествующие эпохи.

Однако собственно этнодифференцирующими оказываются не культурно-отличительные признаки как таковые, а свойства, описывающие позиции разных категорий населения по отношению к власти, реализующей политику "этнической" мобилизации (то есть на основе общности культурных особенностей). Соответственно, эти культурные особенности оказываются "этноотличительными" лишь в той мере, в какой они привлечены стараниями интеллектуалов. В итоге так называемые "этнические" представления влияют на реальные социальные стратегии очень мало, концентрируясь, как правило, в сфере манифестной риторической практики.

В частности, что нет никаких оснований говорить о том, что русские и казахи вследствие несходства своего культурного облика имеют совершенно различные социальные потребности и глубоко противоречащие друг другу установки, направленные на их реализации. Напротив, в условиях, когда большинство населения, независимо от национальности, поставлены перед лицом сходных проблем, этническая мобилизация оказывается актуальной и эффективной лишь в сравнительно узкой области социальной практики: сфере соперничества за власть и распределения государственных ресурсов, а также в ходе неформальной консолидации вне существующих легальных общественных институтов. Получив более ясное представление о природе современного группообразования, можно разрабатывать стратегию складывания в обществе объединений поверх и вне этнических барьеров. В этих объединениях консолидирующими будут профессиональные, политические, образовательные интересы ее членов. Эти интересы не будут носить “сакрального”, самодовлеющего характера, что чаще всего характерно для этнических ценностей. Наоборот, они будут выработаны в результате открытого обсуждения всеми членами подобных сообществ, что может явиться одним из элементов становления гражданского общества и укрепления взаимного доверия разных сообществ в составе населения страны.

Материал диссертации отражён в следующих публикациях:

1. Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане (1993 – 1995 гг.) // Этнографическое обозрение. – М., 1996. – № 5. – С.39-56.
2. Об исторических корнях современной культурно-языковой ситуации в Казахстане // Этнографическое обозрение. – М., 2000. – № 5. – С. 117-129.
3. О категориях группового сознания у казахов-кочевников // Вестник Евразии. – М., 1999. – № 1-2. – С.44-62.

4. Русские в Южном Казахстане \ в сб. Русские в Современном мире. М.: ИЭА.1998, С.73-101.
5. Казахстан: Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА. 1997, 170 с. в соавторстве с Н. Масановым.
6. Management of Local Multiethnic Communities in Kazakhstan/ Management of Local Multiethnic Communities in NIS States. Moscow, 2001, Pp. 257-294.
7. Современная языковая ситуация в Казахстане // Этнографическое обозрение.-М., 2001.-№6. – С. 18-32.
8. Роль экспертов в становлении этнического сознания и проблемы развития гражданской идентичности / Этнические проблемы социально-политического развития Казахстана. Материалы международной конференции. Алматы.: Центр международной политики и анализа. 2002. С. 87-95.
9. Многокультурность и предупреждение этнических конфликтов в пост-советском Казахстане: Методология и практика / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под редакцией В. Тишкова и В. Малахова. М.: Институт философии. 2002, С. 224-230.
10. Русская идентичность как социальный ресурс в современном Казахстане // Диспоры. Н. 4. М. 2003, С. 74-105.
11. Россия в казахских учебниках истории // Россия и страны Балтии , Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках Истории . Научные доклады и сообщения. Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова .- М.:Фонд Фридриха Науманна, «АИРО- XX», 2003, С. 301-312. Совместно с Н. Масановым.
12. Этнические конфликты в Казахстане: методология и практика в контексте Сети неправительственных организаций по предупреждению конфликтов / Европейский и Центрально-Азиатский опыт создания сетей неправительственных организаций по предупреждению конфликтов. Алматы: Фонд Фридриха Эберта. 2004. С. 81-88.

13. Сравнительный анализ правового регулирования межэтнических отношений в многоэтнических обществах: Пример Республики Казахстан / Многокультурное разнообразие : Потенциал общественного развития в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы). Материалы международного семинара. Бишкек., 2004. С.184-203.

14. Размышления о статье А. Ильхамова // Этнографическое обозрение. М., 2005, н.5. С. 68-72.